Глава 1559: Воссоединения

После впечатляющего возвращения Мэн Хао в роли демонического владыки Чжисян лишь вздохнула. Где-то глубоко в её душе прочно обосновалась горечь.

— Надо было забрать его, пока у тебя был шанс, — негромко пожурила сама себе Чжисян. — Но ты упустила шанс… потеряла его навеки.

Она опустила голову и поприветствовала Мэн Хао и Сюй Цин. Мэн Хао не заметил разразившейся в ней бури эмоций. Они были старыми друзьями, поэтому он попросил оставить формальности. Разумеется, он не мог не заметить, насколько она постарела. Сюй Цин, с другой стороны, сразу поняла, о чем думала Чжисян. Внимательно на неё посмотрев, она улыбнулась.

Мэн Хао знал Чжисян очень давно, но в секте Бессмертного Демона был еще один дорогой ему человек. Он был просто обязан засвидетельствовать своё почтение старшему брату Кэ Цзюсы.

Мэн Хао в одиночестве отправился к горе, где находилась палата для уединенной медитации Кэ Цзюсы. Сюй Цин и Чжисян остались ждать у подножья. Пока Мэн Хао разговаривал с Кэ Цзюсы, Чжисян внезапно сказала:

— Поздравляю…

Сюй Цин повернулась к ней, удивленно моргнула, а потом улыбнулась. На вершине горы Кэ Цзюсы со смехом бросил Мэн Хао бурдюк с вином. Тот улыбнулся старшему брату и сделал большой глоток. После небольшой паузы он негромко сказал:

— Я видел названного отца за пределами Безбрежных Просторов.

Кэ Цзюсы какое-то время просто стоял, а потом похлопал по большому валуну рядом, предложив Мэн Хао сесть рядом.

— Рассказывай, — попросил Кэ Цзюсы, когда Мэн Хао сел в позу лотоса.

Мэн Хао пересказал своё путешествие за пределы Безбрежных Просторов, как он попал в иной временной период. Кэ Цзюсы молча слушал, изредка делая глоток из бурдюка. Когда Мэн Хао закончил, глаза Кэ Цзюсы слегка блестели, но не из-за выпитого вина, а под влиянием растревоженных воспоминаний.

— В прошлом я был избалованным ребенком, — сказал он, — ты, конечно же, об этом знаешь… Настоящее разочарование для отца. И всё же он пытался сделать всё, чтобы подготовить меня к тому, когда я останусь в мире один. Неумираемым. Такой он был человек. Он относился к нам одинаково, потому что мы оба его сыновья.

Кэ Цзюсы закрыл глаза, чтобы скрыть собравшиеся в уголках слёзы. Он скучал по отцу, тосковал по своей прошлой жизни.

Мэн Хао сделал большой глоток вина и посмотрел вдаль. Ему казалось, будто он мог видеть своего названного отца. Ранее он пытался воскресить его, но даже со всемогуществом трансцендентности было невероятно сложно вернуть к жизни душу человека, погибшего много веков назад.

Семь дней Мэн Хао и Кэ Цзюсы просидели на вершине горы в компании бурдюка с вином. Когда пришло время уходить, Кэ Цзюсы с горы провожал взглядом удаляющиеся силуэты Мэн Хао и Сюй Цин. Он вновь поднес к губам бурдюк и сделал глоток.

Последний парагон в мире бабочки Горы и Моря был марионеткой, некогда его звали Игу. Когда-то он был парагоном 33 Небес. Мэн Хао еще издали увидел неподвижную фигуру в позе лотоса. Много лет назад, еще до его исчезновения, Мэн Хао поручил ему защищать бабочку Горы и Моря.

— Когда ты пришел в себя? — подойдя к парагону, негромко спросил он.

Парагон вздрогнул и медленно поднял голову.

— Пятьсот лет назад... — ответил Игу хриплым голосом, словно ему впервые за долгое время потребовалось им воспользоваться.

Пятьсот лет назад к марионетке начали возвращаться утерянные воспоминания. С тех пор, хоть он и оставался марионеткой, Игу знал кто он такой. Однако он не смог найти в себе силы покинуть мир Горы и Моря. Его по-настоящему уважали все практики этого мира, хоть он и был простой марионеткой.

На его глазах рождались новые поколения практиков, рос мир бабочки. В его душе поселились странные эмоции. В конечном итоге он не стал возвращаться на 33 Небеса. Он не хотел предавать практиков мира Горы и Моря и пытался забыть все вернувшиеся к нему воспоминания.

— Теперь ты свободен, — сказал Мэн Хао и похлопал Игу по плечу, сняв с него наложенные давным-давно оковы.

Когда Сюй Цин и Мэн Хао ушли, парагон Игу поёжился. Спустя какое-то время он поднялся. Пустота в его глазах быстро исчезла. Его взгляд вновь посуровел. Он сел в позу лотоса и продолжил нести неусыпную стражу.

Уйдя довольно далеко, Сюй Цин коротко спросила:

— Он?

— Он заплатил за свои ошибки, искупил грехи. В прошлом я недооценил Игу. Он оказался мудрым человеком.

Мэн Хао с улыбкой покрепче сжал руку Сюй Цин. Мир бабочки Горы и Моря буквально кипел активностью. Все готовились к переезду. Пока шла подготовка, Мэн Хао и Сюй Цин навещали старых знакомых.

Пока Мэн Хао был рядом, Сюй Цин чувствовала себя счастливейшей женщиной на свете. Для счастья ей не требовалось многого. Всё-таки она была простой женщиной.

Вдвоем они навещали друзей и путешествовали. Казалось, они совершенно не уставали разговаривать друг с другом. Словно всегда находились места, где они еще не были. Когда Сюй Цин смотрела на Мэн Хао, в её груди становилось тепло. Такие чувства могли пережить эту и все последующие жизни.

— Больше так не могу, — со вздохом сказал Толстяк. — Не могу, понимаешь!

Когда Мэн Хао и Сюй Цин прибыли в клан Толстяка, тот с жалостью посмотрел на друга.

— Мэн Хао, посмотри на себя. У тебя такая высокая культивация и только одна жена? Так нельзя! Посмотри на меня! У меня вновь несколько тысяч жен, много детишек…

Внезапно температура воздуха резко упала. Толстяк поёжился, заметив, как на него прищурившись смотрит Сюй Цин. Сообразив, кто был источником этого холода, он несколько раз прочистил горло. Мэн Хао с улыбкой взглянул на многочисленное потомство Толстяка. Вскоре разговор сместился на обсуждение прошлого. К этому моменту появился Ван Юцай. За спиной он нёс большой кувшин с вином, который по приходу поставил перед Мэн Хао, Сюй Цин и Толстяком.

— Дун Ху скоро придет, — сообщил он.

— Между вами всё разрешилось? — спросил Мэн Хао.

В прошлом у Ван Юцая и Дун Ху случился серьезный конфликт, но это было их дело, да и Мэн Хао не хотел вдаваться в расспросы. Ван Юцай какое-то время молчал.

— Всё уже в прошлом… — со вздохом признался он.

Сейчас он выглядел как никогда постаревшим. Внезапно в небе появился луч света, в котором летел мужчина. Это был не кто иной, как Дун Ху. С нечитаемым выражением лица он молча

подошел и сел рядом с Толстяком. При виде Мэн Хао он не смог сдержать улыбки.

Решив разрядить обстановку, Толстяк внезапно спросил:

— А помните гору Дацин?

Ван Юцай слегка наклонил голову, а глаза Дун Ху ностальгически блеснули. Мэн Хао тоже задумался обо всём, что произошло с ними в прошлом. Как и Сюй Цин. Она улыбнулась.

http://tl.rulate.ru/book/96711/628593